

Приходскій листокъ

Свято-Вознесенской церкви

въ городѣ Сакраменто

Западно-Американская епархія

Русская Православная Церковь Заграницей

№ 418

16 февраля/ 1 марта, 2009 года

Житіе и страданія

СВЯТАГО МУЧЕНИКА НИКИФОРА

СВЯТЫЙ МОНАХЪ
НИКИФОРЪ.

Въ великой Антіохіи Сирійской, жили — нѣкій пресвитеръ, по имени Саприкій и прстець, — гражданинъ Никифоръ. Они питали другъ къ другу такую любовь и такъ были дружны, что нѣкоторые считали ихъ родными братьями.

Послѣ многихъ лѣтъ такой дружбы, имъ позавидоваль ненавидящій все доброе діаволь и посѣялъ въ нихъ такіе плевелы вражды, что они не желали даже встрѣчаться другъ съ другомъ на дорогѣ: такъ они возненавидѣли другъ друга; и насколько прежде между ними царили любовь и дружба, настолько послѣ, по дѣйствию сатаны, воспикъла у нихъ другъ къ другу ненависть и вражда.

Проживъ въ такой ненависти и враждѣ другъ съ другомъ довольно долгое время, Никифоръ, придя въ себя и уразумѣвъ, что эту вражду сѣеть діаволь, сталъ просить своихъ

друзей и сосѣдей, чтобы они отправились къ пресвитеру Саприкію и умолили бы его простить его, кающагося, и возлюбить прежнюю любовь; но пресвитеръ не захотѣлъ оставить своей вражды противъ него.

Тогда Никифоръ снова послалъ другихъ друзей съ тою же просьбою, но пресвитеръ и ихъ слушать не захотѣлъ. Онъ также отвергъ и въ третій разъ посланныхъ и не послушалъ ихъ моленія, и, такимъ образомъ, не преклонился на милость, дабы простить брата, смиренно ищущаго прошенія. Наоборотъ, ожесточивъ сердце свое, онъ оставался неумолимымъ, забывъ слова Господа нашего Иисуса Христа, сказавшаго: «*ѡпвщайте ѡ ѡпвстатѣхъ вѣмъ*¹⁾». И еще: *ѡще оубо принесеши даръ твоѡ ко олтарю ѡ тѣ поманеши, ѡкво братѣ твоѡ имать нѣчто на тѣ: ѡстави тѣ даръ твоѡ предъ олтаремъ, и шеде прежде смириса сѣ братомъ твоѡмъ*²⁾; и еще: *ѡще не ѡпвщайте человекѡмъ согрѣшеніѡ ихъ, не оубъ вѡшъ ѡпвститѣ вѣмъ согрѣшеніѡ вѡшнхъ*³⁾».

Тогда Никифоръ, видя, что Саприкій пресвитеръ не хочетъ принять ходатайства о немъ, самъ пошелъ къ нему и, припавъ къ его ногамъ, сказалъ ему:

— «Прости меня, отче, ради Господа прости».

А Саприкій даже и не взглянулъ на него; онъ былъ человекѡмъ немилосердымъ и не имѣлъ ни любви, ни страха Господня: будучи христианиномъ и пресвитеромъ, онъ и безъ просьбы долженъ былъ простить брата своего. Не получивъ прошенія, Никифоръ пошелъ отъ него посрамленнымъ и отверженнымъ.

Въ это время, — въ парствование Валеріана и Галліена⁴⁾ — какъ христианинъ — схваченъ былъ и Саприкій и представленъ былъ игемону на истязаніе.

Игемонъ сдросиль:

— «Какъ твое имя?»

— «Я называюсь Саприкіемъ», — отвѣчалъ тотъ.

— «Какого ты рода?» — спросилъ игемонъ.

— «Я христианинъ», — отвѣчалъ Санрикій.

— «Ты клирикъ?» — снова спросилъ игемонъ.

— «Я пресвитеръ», — отвѣчалъ Саприкій. Тогда игемонъ сказалъ:

— «Цари наши, владыки страны этой и всѣхъ предѣловъ

римскихъ, Валеріанъ и Галліенъ, повелѣли, дабы тѣ, кои именуютъ себя христіанами, принесли жертвы безсмертнымъ богамъ; а кто, презрѣвъ, отвергнетъ повелініе царское,—тотъ пусть да знаетъ, что онъ, послѣ всевозможныхъ мукъ, осужденъ будетъ на тяжкую смерть».

Послѣ этихъ словъ Саприкій, предстоя игемону, сказалъ:

— «О, игемонъ! мы, христіане, имѣемъ Царя,— Христа Бога, ибо Онъ одинъ есть Истинный Богъ и Создатель неба и земли, моря и всего, что находится въ нихъ; всѣ же боги языческе суть бѣсы, и да уничтожатся они съ лица всей земли; какъ дѣла рукъ человѣческихъ, они никому не могутъ помочь.

Тогда разгнѣванный игемонъ повелѣлъ растянуть его на колесо и безжалостно мучить. Среди этихъ изтязаній Саприкій сказалъ игемону:

— «Ты имѣешь власть надъ тѣломъ моимъ, надъ душою же моею не имѣешь никакой власти: надъ нею имѣетъ власть только одинъ Создавшій ее Иисусъ Христосъ».

Послѣ этого Саприкій мужественно претерпѣлъ всѣ причиненныя ему муки.

Видя его непреклоннымъ, жестокой судія издалъ на него такой смертный приговоръ:

«Пресвитера Саприкія, презревшаго царское повелѣніе и не пожелавшаго принести жертвы безсмертнымъ богамъ и оставить христіанское заблужденіе, повелѣваемъ усѣчь мечемъ».

Въ то время, какъ Саприкій шелъ на казнь, въ надеждѣ получить небесный вѣнецъ мученичества, блаженный Никифоръ, услышавъ объ этомъ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и, припавъ къ ногамъ его, сказалъ:

— «Мученикъ Христовъ, прости меня, я согрѣшилъ предъ тобою!»

Тотъ же на что не отвѣтилъ ему ничего, такъ какъ сердце его по-прежнему было объято бѣсовскою злобою.

На дальнѣйшемъ пути къ мѣсту казни святой Никифоръ снова припалъ къ ногамъ Саприкія, говоря:

— «Мученикъ Христовъ, прости меня, въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою, какъ, человѣкъ; вотъ тебѣ дается съ небесъ вѣнецъ отъ Христа, такъ какъ ты не отвергся Его, но исповѣдавалъ имя Его святое предъ многими».

Саприкій же, ослѣпленный ненавистью и жестокосердый для прощенія, оставался неумолимымъ, вовсе не показывая намѣренія простить его. Онъ даже и слова не сказалъ къ упрашивавшему его собрату, такъ что даже сами мучители удивлялись ожесточенію Саприкія и говорили Никифору:

— «Такого безумнаго человѣка, какъ ты, мы никогда не видали: теперь вотъ онъ идетъ уже на смерть, а ты еще усерднѣе умоляешь его: развѣ по смерти онъ можетъ въ чемъ-нибудь тебѣ повредить? и зачѣмъ тебѣ нужно примиряешься съ тѣмъ, кто сейчасъ умретъ?»

На это святой Никифоръ отвѣтилъ имъ:

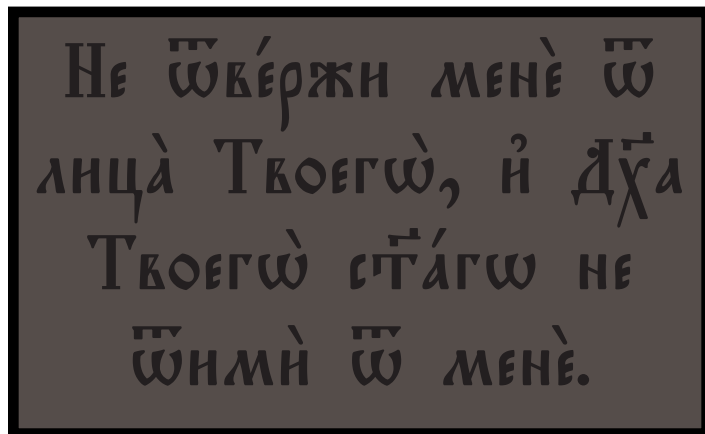
— «Не знаете вы, чего я прошу у исповѣдника Христова, но Богъ знаетъ».

Когда они пришли на мѣсто гдѣ Саприкія должны были усѣчь мечемъ, святой Никифоръ снова обратился къ нему:

— «Молю тебя, мученикъ Христовъ, сказалъ онъ, прости меня, если я въ чемъ согрѣшилъ предъ тобою, какъ человѣкъ. Писано: *простѣте и простѣтся вамъ*⁵⁾,—вотъ я тебя умоляю,—и такъ подай мнѣ прощеніе».

Но жестокосердый другъ его Саприкій не преклонился на такія моленія: онъ не вспомнилъ словъ Господа: *возлюбивши гдѣ бѣа твоегѡ въсѣмъ сердцемъ твоимъ и искреннаго твоегѡ ѡкъ сѣмъ себѣ*⁶⁾, но, закрывъ уши сердца своего и тѣла, оставался какъ глухой аспидъ, отвергая моленіе заклинающаго его. Итакъ, Саприкій не внялъ реченному въ Евангеліи, что кто прощаетъ ближнему своему, тотъ и самъ будетъ прощенъ, и не послушалъ словъ Господа: *вз нѡже мѣрѡ мѣрите, возмѣритсѣ и вамъ*⁷⁾. Вотъ почему Господь, праведный Судія, по справедливому суду Своему, отъялъ благодать Свою отъ Саприкія, и тотчасъ же тотъ отпалъ отъ Господа и лишился сплетеннаго имъ для себя вѣнца мученичества.

Когда- мучители сказали Саприкію: «преклони

колѣни твои, чтобы мы могли отсѣчь голову твою», — онъ сказалъ имъ:

— «За что вы хотите усѣчь меня?»

Воины на это отвѣтили:

— «За то, что ты не хотѣлъ принести жертвы богамъ и слушался царскаго повелѣнія ради нѣкоего человѣка, именуемаго Христомъ».

Услышавъ это окаянный Саприкій сказадь имъ:

— «Не убивайте меня, ибо я исполню то, что повелѣвають цари: поклонюсь богамъ и принесу имъ жертву».

Такъ ненависть ослѣпила сердце Саприкія! Она отторгла его отъ благодати Божіей, и онъ,—прежде мучимый и не отвергавшійся Христа, теперь,—вмѣсто того, чтобы пріять уже мученичскій вѣнецъ славы, отрекся отъ жизни вѣчной и сталъ отступникомъ.

Услышавъ эти безумныя слова Саприкія, Никифоръ сталъ со слезами на глазахъ умолять его:

— «Не дѣлай сего, о возлюбленный братъ! не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа! не губи того вѣнца небеснаго, который ты сплелъ себѣ среди твоихъ страданій! вотъ у дверейъ стоитъ Владыка Христосъ, Который снова явится тебѣ, и воздастъ тебѣ жизнь вѣчную за сію временную смерть, которую ты пришелъ принять на это мѣсто».

Саприкій же не слушалъ его моленій: онъ спѣшилъ къ вѣчной смерти, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ ту безконечную жизнь, которую долженъ былъ восиріять чрезъ одинъ ударъ меча.

Святый же Никифоръ, видя, что Саприкій совершенно отпалъ отъ святой вѣры и отторгся отъ Христа—Истиннаго Бога, началъ громкимъ голосомъ такъ взывать къ мучителямъ:

— «Я — христіанинъ и вѣрую въ Господа нашего Иисуса Христа, Коего отвергся Саприкій; итакъ, усѣките меня вмѣсто Саприкія».

Воины, не смѣя умерщвлять его безъ повелѣнія игемона, — весьма удивлялись, что онъ самовольно предаетъ себя на смерть, совершенно свободно восклицая:

— «Я — христіанинъ и вашимъ богамъ не принесу жертвы!»

Тогда одинъ изъ мучителей, явившись къ игемону, возвѣстивъ ему, что Саприкій обѣщавъ принести жертву богамъ, но есть нѣкій, — добавилъ

онъ, — который желаетъ умереть за такъ называемаго Христа, и потому громко восклицаетъ:

— «Я — христіанинъ, богамъ вашимъ не принесу жертву и царскихъ повелѣній не послушаюсь!»

Услышавъ это, игемонъ приказалъ Саприкія отпустить на свободу, а Никифора вмѣсто него устѣчь мечомъ. Такъ святый мученикъ умерщвленъ былъ за Христа, — въ девятый день месяца февраля⁸⁾, и, радуясь, отошелъ ко Христу Господу, дабы пріять отъ десницы Его вѣнецъ побѣды и предстать Ему въ ликѣ, святыхъ мучениковъ, славящихъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же честь и поклоненіе, слава и держава о вѣки, аминь.

СНОСКИ:

1) Еванг. отъ Луки, гл. 6, ст. 37.

2) Еванг. отъ Матѳ. гл. 5, ст. 23-24.

3) Еванг. отъ Матѳ. гл. 6, ст. 14.

4) Валеріанъ царствовалъ съ 253 по 259 г., сынъ его Галліенъ царствовалъ съ 260-268 г. Еще при жизни отца онъ былъ сдѣланъ имъ кесаремъ и соправителемъ.

5) Еванг. отъ Матѳ. гл. 7, ст. 7.

6) Еванг. отъ Матѳ. гл. 22, ст. 37-38.

7) Еванг. отъ Матѳ. гл. 7, ст. 2.

8) Св. мученикъ Никифоръ пострадалъ и скончался около 257 года.

Источники: Четьи-менеи за февраль месяцъ

Повѣсть о Таксіотѣ воинѣ

Въ Кареагенѣ, жилъ одинъ мужъ, по имени Таксіотъ, воинъ, проводившей жизнь свою въ великихъ грѣхахъ. Однажды городъ Кареагенъ постигла заразная болѣзнь, отъ которой умирало мно-го людей; Таксіотъ пришелъ въ страхъ, обратился къ Богу и пока-ялся въ грѣхахъ своихъ. Оставивъ городъ онъ съ женою своею, уда-лился въ одно селеніе, гдѣ и пребывалъ, проводя время въ богомысліи.

Спустя нѣкоторое время, по дѣйству діавола, онъ впалъ въ грѣхъ прелюбодѣянія съ женою земледѣльца, жившаго съ нимъ въ сосѣдствѣ; но по прошествіи нѣсколькихъ дней, по совершеніи грѣха того, онъ былъ ужаленъ змѣею и умеръ.

На разстояніи одного поприща отъ того мѣста стоялъ монастырь; жена Таксіота отправилась въ этотъ монастырь и упросила монаховъ придти взять тѣло умершаго и похоронить въ церкви: и похоронили его въ третій часъ дня. Когда же наступилъ девятый часъ, изъ моги-лы послышался громкій крикъ: «по-милуйте, помилуйте меня!» Подоидя къ могилѣ, и слыша крикъ погребеннаго, монахи тотчасъ разры-ли ее и нашли Таксіота живымъ; въ ужасѣ они удивлялись и спрашивали его, желая узнать, что съ нимъ случилось и какъ онъ ожилъ? Но тотъ отъ сильнаго плача и рыданія не могъ ничего рассказать имъ и толь-ко просилъ отвести его къ епископу Тарасію; и онъ былъ отведенъ къ нему.

Епископъ три дня упрасивалъ его рассказать ему, что онъ видѣлъ тамъ, но только на четвертый день погребенный

сталъ разговаривать.

Съ великими слезами онъ рассказаль слѣдующее:

— «Когда я умиралъ, — увидѣлъ нѣкоторыхъ эѳіоповъ, стоящихъ предъ мною; видъ ихъ былъ очень страшень, и душа моя смутилась. Потомъ увидѣлъ я двухъ юношей очень красивыхъ; душа моя устремилась къ нимъ и тотчасъ; какъ-бы возлетая отъ земли, мы стали под-ниматься къ небу, встрѣчая на пути мытарства, удерживающая душу всякаго человѣка и каждое истязующее ее объ особомъ грѣхѣ: одно обо лжи, другое о зависти, третье о гордости; такъ каждый грѣхъ въ воздухѣ имѣетъ своихъ испытате-лей. И вотъ увидѣлъ я въ ковчегѣ, держимомъ ангелами, всѣ мои добрыя дѣла, которыя ангелы сравни-ли съ моими злыми дѣлами. Такъ мы миновали эти мытарства. Когда же мы, приближаясь къ вратамъ небеснымъ, пришли на мытарство блуда, стражи задержали меня тамъ и начали показывать всѣ мои блудныя плотскія дѣла, совершенныя мною съ дѣтства моего до смерти и ангелы, ведущіе меня, сказали мнѣ: «всѣ тѣлесныя грѣхи, которые содѣялъ ты, находясь въ городѣ, простилъ тебя Богъ, такъ какъ ты покаялся въ нихъ». Но противные духи сказали мнѣ: «но когда ты ушелъ изъ города, ты на полѣ соблудилъ съ женою земледѣльца твоего». Услыхавъ это, ангелы не на-шли добраго дѣла, которое можно было-бы противопоставить

Окончаніе на 5 страницѣ

Подвижничество и монашество

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЪ

Іоаннъ (Восторговъ)

23 августа/ 5 сентября

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что въ нынѣшнее второе Воскресеніе Великаго поста, Св. Церковь празднуетъ память Святого Григорія Паламы архіепископа Фессалонійскаго, или Солунскаго.

Величайшій подвижникъ, постникъ и труженикъ, онъ достойно и вполне ко времени прославляется во дни подвига, и поста, и трудовъ духовныхъ. Величайшій и ревностнѣйшій защитникъ ученія православія о необходимости для христіанина цѣложизненнаго подвига и подвижнической жизни; величайшій и пламенный защитникъ такъ называемаго аскетизма, — необходимости и обязательности постоянного самовоспитанія, самоотреченія, самоограниченія, отказа отъ удовольствій и утѣхъ міра; величайшій защитникъ монашества отъ всѣхъ на него обвиненій и клеветъ, которыми и въ его дни хотѣли унижить, очернить, опозорить этотъ обѣтъ благочествыхъ душъ, — Святой Григорій Палама достойно и вполне ко времени и къ мѣсту, (въ этомъ монастырскомъ храмѣ,) да будетъ нынѣ нашимъ руководителемъ и учителемъ въ церковномъ учительномъ словѣ.

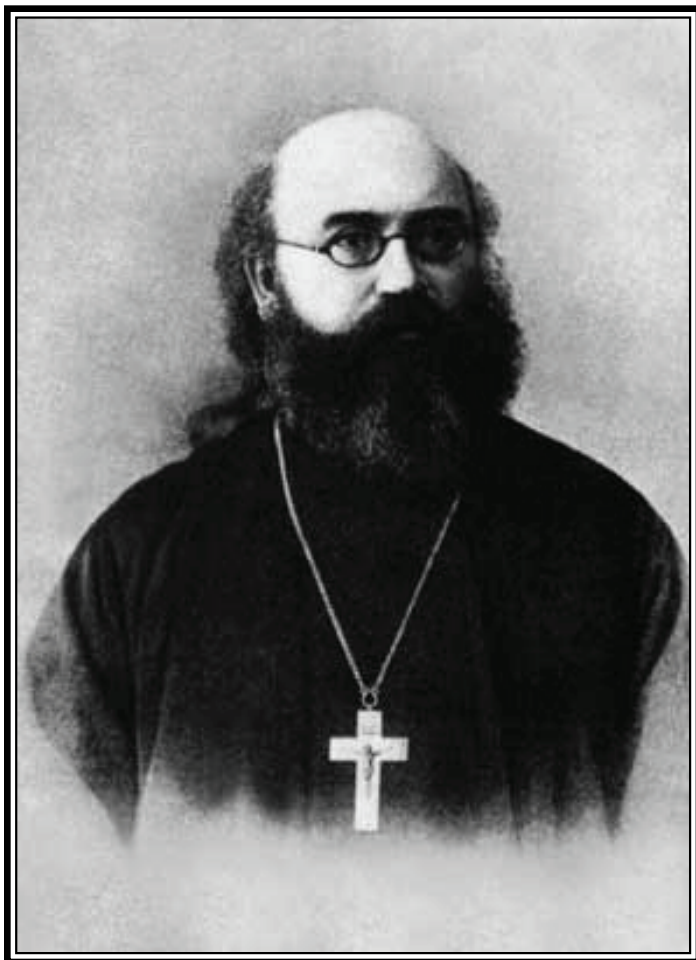
Не въ его только время были ожесточенныя нападки на ученіе Церкви о подвигѣ и подвижничествѣ, какъ существѣ и основѣ духовной жизни христіанина. Раскройте газеты, такъ называемый передовья, почитайте современныя книги, послушайте новыхъ нашихъ искателей истины религіозной и религіознаго обновленія, — и вы непременно услышите глумленія надъ аскетизмомъ и монашествомъ. Къ чему, говорить, всѣ эти посты, выстаиванія въ церкви, слезы самообвиненія, сокрушенія во грѣхахъ?! Къ чему эти заповѣди, я требованія, и совѣты во всемъ себя ограничивать, отказываться отъ радостей жизни?! Неужели спасаетъ насъ и Богу нужна постная ѣда, неужели Богу нужны наши подвиги? Все это говорятъ, выдумали монахи, принявшее свое ученіе отъ Византіи. Вамъ скажутъ, что христіанство есть религія свѣта, веселія и радости, а монашество все облакаетъ въ печаль и черную одежду; что христіанство есть религія жизни и говорить о жизни, а монашество все твердить о смерти, обѣ одной смерти. Вамъ скажутъ, что не нужно, — да и Хрястось не требуетъ, — никакого

подвига, что аскетизмъ, подвижничество не указаны въ Евангеліи, что надо трудиться въ семьѣ и общественной жизни, а не за стѣнами монастыря. Вамъ внушатъ отсюда выводъ, что монашество есть нѣчто неестественное и протвоестественное, ибо Богъ далъ человѣку міръ, семью, жизнь для наслажденія, а монашество требуетъ отъ всѣхъ этихъ благъ суроваго отказа. Мало того: васъ будутъ убѣждать, что подвигъ монашества есть слѣдствіе есебялюбія, заботы только о себѣ самомъ, о своемъ личномъ спасеніи, а не о ближнихъ я не о мѣрѣ, что этотъ подвигъ вредный, во всякомъ случаѣ, онъ не приноситъ никому пользы и никому не нуженъ. Кому, спрашиваютъ, кому польза отъ того, что я отказалъ себѣ въ томъ или другомъ удовольствіи, или что я ѣлъ капусту и картофель вмѣсто мяса?

Увы, послушайте многихъ, называющихъ себя православными и вѣрующими, даже усердныхъ посѣтителей храма Божіяго, и вы отъ многихъ изъ нихъ также услышите отзывы и сужденія, или совершенно тождественныя съ только что приведенными, или во всякомъ случай выражающая открытое и глубокое нерасположеніе къ ученію православія о подвижничествѣ и, въ частности, къ монашеству и монашескому подвигу. Я убѣжденъ, что среди васъ, братіе, есть много такихъ, которые всѣ эти разсужденія слышали, а многіе изъ васъ — и сами ихъ повторяли.

Все это вслѣдствіе долгаго общенія русскихъ людей съ иностранцами и вліяніе нѣмецкой вѣры, въ которой. — разумѣемъ протестанство, — дѣйствительно выброшено ученіе о постахъ, о подвигахъ, обѣ обѣтахъ, о монашествѣ. Теперь эту нѣмецкую вѣру такъ усердно навязываютъ намъ сектанты, — различные баптисты, пашковцы, штундисты, молокане. И они, подобно протестантамъ, совершенно отвергаютъ всякое подвижничество, льстятъ чувственности людей и этимъ увлекаютъ ихъ въ свои сѣти.

Святой Григорій Палама, до возведенія своего въ санъ архіепископа Солунскаго, долгое время жилъ и подвизался на Аѳонѣ; опытно онъ позналъ иноческій подвигъ, видѣлъ и зналъ очень много подвижниковъ. Обладая къ тому же обширнымъ по своему времени образованіемъ, особенно

Священномученикъ Іоаннъ (Восторговъ) † 1918
Hieromartyr John Vostorgov

же основательно зная Священное Писаніе, обладая рѣдкимъ по глубинѣ умомъ и огненнымъ словомъ, — онъ явился побѣдоносиымъ защитникомъ монашескаго званія и житія, слышнымъ для всего тогдашняго міра. Даже взятый въ плѣнъ врагами-мусульманами, онъ и изъ заточенія, и въ узахъ продолжалъ святое дѣло побѣдоносной защиты благочестиваго подвижничества. За такія великія заслуги Церковь и почитаетъ его похвалами, и посвятила ему особый день прославленія во дни поста. Одно это уже должно насъ утверждать въ томъ глубочайшемъ уваженіи, которое заповѣдуетъ намъ святая Церковь по отношеніи къ подвижничеству и монашеству. Столь велико это уваженіе, что высшіе священнослужители Церкви, какъ люди, отъ коихъ, естественно и справедливо, требуется и высшій подвигъ, обязательно должны имѣть монашеское званіе. Впрочемъ и для другихъ служителей Церкви свобода отъ монашескаго званія дана только по снисхожденіи и ради нужды. Богъ почему, чѣмъ сильнѣе нападки на Церковь, чѣмъ глубже нрав-

Продолженіе отъ 3 страницы

грѣху тому и, оставивъ меня, ушли. Тогда злые духи, взявъ меня, начали бить и свели затѣмъ внизъ; земля разступилась и я, будучи веденъ узкими входами чрезъ тѣсныя и смрадныя скважины, сошелъ до самой глубины темницъ адовыхъ, гдѣ во тѣмъ вѣчной заключены души грѣшниковъ, гдѣ нѣтъ жизни людямъ, а одна вѣчная мука, неуящный плачь и несказанный скрежетъ зубовъ. Тамъ всегда раздается отчаянный крикъ: «горе, горе намъ! увы, увы!» И не возможно передать всѣхъ тамошнихъ страданій, нельзя пересказать всѣхъ мукъ и болѣзней, которыя я видѣлъ. Стонуть изъ глубины души, и никто о нихъ не милосердствуетъ; плачутъ, и нѣтъ утѣшающаго; молятъ, и нѣтъ внимающаго имъ и избавляющаго ихъ. И я былъ заключенъ въ тѣхъ мрачныхъ, полныхъ ужасной скорби, мѣстахъ, и плакалъ я и горько рыдалъ отъ третьяго часа до девятаго. Потомъ увидѣлъ я малый свѣтъ и пришедшихъ туда двухъ ангеловъ; я прилежно сталъ умолять ихъ о томъ, чтобы они извели меня изъ того бѣдственнаго мѣста для раскаянія предъ Богомъ». Ангелы сказали мнѣ:

— «Напрасно ты молишься: — никто не исходитъ отсюда, пока не настанетъ время всеобщаго воскресенія».

Но такъ какъ я продолжалъ усиленно просить и умолять ихъ и обѣщался раскаяться въ грѣхахъ, то одинъ ангелъ сказалъ другому:

— «Поручаешься-ли за него въ томъ, что онъ покается, и притомъ отъ всего сердца, какъ общается?»

Другой сказалъ:

— «Поручаюсь!» Потомъ онъ подалъ ему руку. Тогда вывели меня оттуда на землю и привели къ гробу, гдѣ лежало тѣло мое и сказали мнѣ:

— «Войди въ то, съ чѣмъ ты разлучился».

И вотъ я увидѣлъ, что душа моя свѣтится какъ бисеръ, а мертвое тѣло, — какъ грязь черно и издаетъ зловоніе и потому я не хотѣлъ войти въ него. Ангелы сказали мнѣ:

— «Не возможно тебѣ покаяться безъ тѣла, которымъ совершалъ грѣхи».

Но я умолялъ ихъ о томъ, чтобы мнѣ не входить въ тѣло.

— «Войди, — сказали ангелы, — а иначе мы опять отведемъ туда, отъкуда взяли».

Тогда я вошелъ, ожилъ и началъ кричать: помилуйте меня!»

Святитель Тарасій сказалъ ему тогда:

- «Вкуси пищи».

Онъ же не хотѣлъ вкушать, но ходя отъ церкви до церкви, падалъ ницъ и со слезами и глубокимъ воздыханіемъ исповѣдывалъ грѣхи свои и говорилъ всѣмъ: — «Горе грѣшникамъ: ихъ ожидаетъ вѣчная мука; горе не приносящимъ покаянія, пока имѣютъ время; горе освернителямъ тѣла своего!»

По воскресеніи своемъ Таксіотъ прожилъ сорокъ дней и очистилъ себя покаяніемъ; за три дня онъ провидѣлъ свою кончину и отошелъ къ Милосердому и Человѣко-любивому Богу, низводящему во адъ и всѣмъ спасеніе подающему, Которому слава во вѣки. Аминь.

«Четви-минеи» Св. Димитрія Ростовскаго

«Православная Русль», №22, 2008,
Джорданвилль, Нью Йоркъ, стр. 14-15.

ственное паденіе общества, чѣмъ ожесточеннѣе ярится невѣріе, тѣмъ обыкновенно, болѣе и болѣе злостными и прямо бѣшенными являются нападки на монашество, И чѣмъ сильнѣе врагамъ хочется поскорѣе ниспровергнуть Церковь, тѣмъ болѣе у нихъ желаніе, прежде всего, уменьшить въ ней число монаховъ и монастырей, преградить всѣмъ путь къ подвижничеству, уронить въ глазахъ всѣхъ монашество и его подвигъ. Знаютъ дѣти чловѣкоубійцы-дѣвола, что съ паденіемъ монашества и православія падетъ все православное: вѣра, житіе, подвигъ, смиренномудріе, богослуженіе, покорность церковной власти... Знаютъ это, — и съ тѣмъ большею и лукавнѣйшею злобою ополчаются противъ монашества.

Итакъ, прежде всего говорятъ, что подвижничество вообще, монашество же, въ частности и въ особенности, есть требованіе отъ чловѣка чего-то неестественнаго я даже противоестественнаго. Согласимся на время съ такими сужденіями; повѣримъ на слово. Подвигъ монашества, говорятъ вы, неестественный, но что же это значить: монастыри переполнены; желающихъ принять монашескіе обѣты — сколько угодно? Не всѣмъ, конечно, вѣдомо, что, на примѣръ, въ царствованіе покойнаго Царя нашего, боголюбиваго Государя Императора Александра III-го, за 12 лѣтъ число однѣхъ монахинь въ женскихъ монастыряхъ увеличилось на двадцать тысячъ въ православной Россіи. Что же это значить: естественный это подвигъ или неестественный? Стоить только гдѣ угодно открыться хоть небольшому монастырю, и тотчасъ же въ немъ появляются насельники. Гдѣ основывались обители? Онѣ изстари возникали въ лѣсахъ, пустыняхъ, суровой и неприглядной обстановки, съ житіемъ «жестокимъ» и тяжкимъ. И, однако, онѣ не оставались пустыми. Если вы возьмете сѣдую древность, то увидите, что пустыни египетскія были какъ бы царствомъ монаховъ, которые тамъ насчитывались буквально десятками тысячъ. Если вы посмотрите на Аѳонъ, то поразитесь и здѣсь тѣмъ, что весь Аѳонъ исключительно занятъ десятками монастырей, въ которыхъ живутъ тысячи монаховъ. Если возьмете исторію нашего православно-русскаго народа, вы съ изумленіемъ увидите, что сотни монастырей возникали въ древнія времена на крайнемъ сѣверѣ, въ полномъ безлюдіи, среди дикихъ инородцевъ, что дикіе и суровые края Архангельскій, Олонецкій, Водогдскій, Вятскій, страны Московская, Ярославская, Пошехонская сіяли монастырями, какъ звѣздами, что монахи и подвижники исходили своими стопами лѣса и дебри этого въ то

время пустыннаго сѣвера, и всюду оставили скиты, монастыри, святыни и свои мощи, что русская страна воистину освящена стопами святыхъ и убѣлена костями преподобныхъ. И нынѣ посмотрите, Закавказье, при всѣхъ опасностяхъ жизни, наполняется монастырями; далекая Сибирь уповаешь на обители, зоветъ монашествующихъ, и на самомъ Дальнемъ Востокѣ, на пустынныхъ берегахъ Уссури возникаетъ и уже цвѣтетъ благочестіемъ иноковъ Николо-Уссурийская святая обитель, святой отпрыскъ здѣшняго Валаама. Монашество наложило печать святости на русскую народную душу, и сдѣлало ее сродною подвигу, доступнаго къ святымъ запросамъ и влеченіямъ къ Богу и небу. Монашество наложило печать порядка, мира, чистоты и на русскую семью, сдѣлавъ ее «домашнею, церковною» въ нашемъ народѣ и на весь укладъ жизни русскаго села и русской деревни, дало русской жизни какъ бы порядки и настроенія обители: повиновеніе старшимъ, безгнѣвіе, терпѣніе своей доли, упованіе на милость и волю Божію, равнодушіе къ земнымъ и матеріальнымъ благамъ и удобствамъ. Неужели «неестественный» подвигъ, неестественный его требованія могли дать такіе плоды? Можетъ быть, скажутъ, идутъ въ монашество насиліемъ? Но вѣдь первое условіе и первый вопросъ постригаемому, — это вопросъ о томъ, вольной ли волею и не принужденіемъ ли онъ приходитъ къ своимъ обѣтамъ? И далѣе: въ монастыряхъ затрудняются не тѣмъ, что нѣкого постригать, а обратно, тѣмъ, кого изъ множества желающихъ можно удостоить постриженія. И если есть или бывали случаи принужденія, то ихъ, конечно, несравненно меньше, чѣмъ случаевъ принужденія ко вступленію въ бракъ. Но тогда съ тѣмъ же правомъ и основаніемъ можно и бракъ, и семейную жизнь объявить и называть явленіемъ неестественнымъ. И если всякое подвижничество называть неестественнымъ, то надо съ тѣмъ же основаніемъ считать неестественными всѣ христіанскія добродетели, ибо всѣ онѣ требуютъ подвига и сдержанности, — терпѣнія, смиренія, цѣломудрія, кротости, всепрощенія.

Говорятъ: религіозная жизнь слагалась и слагается и въ приходѣ; и приходы могутъ сдѣлать то, что дѣлали монастыри. Замѣтте же еще одинъ безспорный и изумительный законъ жизни, подтвержденный всей исторіей Церкви и доселѣ подтверждаемый: въ тѣхъ общинахъ и церквахъ, въ тѣхъ народностяхъ, гдѣ процвѣтало и процвѣтаетъ монашество, гдѣ мы видимъ напряженное стремленіе къ иноческому подвигу, въ то самое время процвѣтала и процвѣтаетъ и приходская

жизнь. И, наоборот, гдѣ не было и нѣтъ монашества, падала и падаетъ жизнь прихода. Монастыри — это какъ бы запасные водоемы живой воды религіознаго воодушевленія; они питаютъ и увлажняютъ иссохшія пустыни духа мірской жизни, они даютъ живительную и спасительную влагу душамъ жаждущимъ. Посмотрите на племена, которыя, по отсутствіи въ нихъ духа подвижничества, не давали монастырей и монаховъ, — какіе-либо абхазцы, осетины Кавказа, какіе-либо инородцы Сибири: это жалкія племена; среди нихъ не только нѣтъ приходской жизни, но и вообще религіозная жизнь проявляется едва замѣтно. Посмотрите на древнія народности, нѣкогда славныя въ исторіи вѣры и благочестія. Если пало среди нихъ иночество, — вѣрный признакъ: тамъ пала непремѣнно и вообще жизнь духовная, религіозная и жизнь прихода. Таковы нынѣшніе несторіане, копты, армяне, таковы нѣкоторый и православный народности, которыхъ не станемъ называть ради любви: ихъ православіе, безъ монашества и подвижничества, — только въ одномъ названіи.

И слава, и благодареніе Господу за то, что нашъ православный русскій народъ любитъ и чтитъ святое подвижничество, — ищетъ обителей, ищетъ святыхъ, жаждетъ поклониться святымъ мѣстамъ, совершаетъ обѣтныя благочестивыя паломничества. Среди тяжкихъ испытаній жизни послѣднихъ лѣтъ, среди этого бѣснующагося моря невѣрія, безнравственности, страстей и пороковъ, при видѣ ярящагося натиска всякихъ безбожныхъ ученій, при видѣ поднимающейся злобы всякихъ расколовъ и сектъ, когда горемъ и ужасомъ сжимается сердце, когда готово закрасться въ душу отчаяніе за свѣтлое будущее нашего милого безконечно дорогого родного народа, среди тяжелыхъ думъ, среди горестныхъ предчувствій — ты одна, несказанная и непостижимая, святая и сіяющая любовь русскаго народа къ аскетизму, — къ монашеству и монастырямъ, къ богомоленіямъ и подвигу, ты одна свѣтишь намъ радостною надеждою на обновленіе и возрожденіе жизни, на великое ожидающее нашу родину будущее. Ибо оно, это обновленіе и возрожденіе, — въ силѣ жизни духа, а не тѣхъ внѣшнихъ реформахъ государственнаго и общественнаго строя, на которыя теперь возлагаютъ столько надеждъ: самое лучшее лѣкарство не поможетъ трупамъ... Ибо оно — въ той боязни грѣха, какъ коренного зла, которую заповѣдуетъ Спаситель въ нынѣ слышанномъ евангельскомъ чтеніи объ исцѣленіи расслабленнаго: не тѣло Господь ему исцѣлилъ, а душу, и прежде, чѣмъ повелѣлъ ему: «возьми постель и ходи,» Онъ

изрекъ благостное слово: «чадо, отпускаются тебѣ грѣси твои.» Ибо оно, начало жизни, обновленіе и возрожденіе, — въ стремленіи къ вѣчности, въ томъ чувствѣ и предъощущеніи иного невидимаго вѣчнаго міра безъ коего жизнь человѣка недостойна и названія человѣческой, въ томъ стремленіи, которое звучитъ у всѣхъ избранныхъ душъ, которое охватывало пророка Давида, повторена нынѣ святымъ апостоломъ въ слышанномъ сегодня его словѣ: «въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнуть, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшаютъ, и яко одежду свѣиши ихъ и измѣнятся; Ты же Тойже еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ.» Тогда при свѣтѣ вѣчнаго, полно смысла и полно настоящей жизни все временное и земное, ибо получаетъ свое надлежащее мѣсто и свое подлинное значеніе. Такую боязнь грѣха, такое памятованіе о вѣчности и проповѣдывали всегда русскому народу монастыри и подвижники.

И если живъ духъ народа, и если не озмнилъ онъ въ помыслахъ, и если не осуетился онъ до конца и не стоитъ уже нередъ своею смертью, -- то живо въ немъ и стремленіе къ подвигу, и любовь къ подвигу ради высшихъ и вѣчныхъ началъ и задачъ духа. Тогда запретите подвигъ, уничтожьте монастыри, разорите обители, запретите посты, молитвы, хожденія по святымъ мѣстамъ: и ничего не достигните. Правда съ неба возсіяетъ, отъ земли приникнетъ. Велика истина и превозможетъ. Люди вѣры, люди духа найдутъ пути и средства къ проявленію врожденнаго стремленія къ подвигу и къ подвижничеству предъ Богомъ, къ исполненію заповѣди Спасителя: *иже хошетъ по Мнѣ ити, да отвържетсл себѣ...*

И что же выходитъ? Не противоестественное это влеченіе, напротивъ, самое глубокое и естественное; не насиліе оно надъ духомъ, напротивъ, отрнцаніе его и гоненіе противъ него есть величайшее насиліе надъ живою душою, и подавленіе его въ полномъ смыслѣ и противоестественно, и противно слову Христову. Вотъ, на Западѣ искажено въ католичествѣ и совсѣмъ отвергнуто въ плотскомъ протестанствѣ, столь любезномъ для нашихъ русскихъ сектантовъ и поклонниковъ плоти начало подвига. Что же вышли? Одинъ изъ сильнѣйшихъ умовъ современности, самъ, къ сожалѣнію, вовсе, можно сказать, не христіанинъ, однимъ только умомъ постигъ тайну силы каждой религіи, и, указывая ее въ аскетизмъ, говоритъ: «съ этой точки зрѣнія, католичество есть огромное злоупотребленіе христіанствомъ, а протестанство

есть его полное отрицаніе». Прислушайтесь вы къ тоскѣ вѣрующихъ протестантовъ; посмотрите, какъ льнуть они къ подвижникамъ, хотъ издали, какъ тяготѣли они къ отцу Іоанну Кронштадтскому; посмотрите, какъ они всѣми силами въ Америкѣ, въ Англіи, въ Германіи стараются устроить ничто подобное нашимъ монастырямъ: и вы убѣдитесь въ силой того начала подвига и самоотреченія, которое защищалъ и оправдалъ жизнью святитель Григорій Палама. Въ протестанствѣ для высшихъ духовныхъ лицъ не требуется обѣтовъ подвиговъ монашества. Но кто знаетъ исторію и жизнь этой оторвавшейся отъ древа Церкви усыхающей вѣтви, тотъ невольно поразится сравненіемъ, которое сразу бросается въ глаза: за истекшія четыреста лѣтъ со времени появленія протестанства въ православіи явилось среди архіереевъ, среди подвижниковъ столько святыхъ, столько людей, къ которымъ вѣрующіе всегда шли за молитвою, за словомъ утѣшенія и назиданія, открывая имъ душу и совѣсть, отдавая свою жизнь, свою волю ихъ руководительству, между тѣмъ, въ протестанствѣ буквально не было ничего подобного. Гдѣ тамъ святые? Гдѣ пастыри душъ? Гдѣ люди, привлекающіе къ себѣ совѣсть ближнихъ? Кто о нихъ слыхалъ? Что такое всѣ эти нѣмецкіе суперъ-итенденты, пасторы, пресвитеры, которыхъ теперь въ сектанствѣ хотъ навязать и русскому народу заѣзжіе заморскіе проповѣдники? Все это бездушные правители, мертвые проповѣдники мертвыхъ словъ, но не живые носители живыхъ словесъ, говорящихъ и отвѣтствующихъ вопрошающей совѣсти. Укажите тамъ лицъ подобнаго преподобному Сергію, или Серафиму Саровскому, или затворнику Теофану, батюшкѣ отцу Амвросію или отцу Іоанну, укажите благодатныхъ властителей душъ и совѣстей! Ихъ

нѣтъ; тамъ, гдѣ нѣтъ подвига, и быть ихъ не можетъ.

Это именно обстоятельство и лишаетъ жизнь духовную въ протестанствѣ и въ сектахъ естественности и свободы, — того самаго, что они такъ цѣнятъ и къ чему, повидимому, стремятся.

Есть люди, отъ природы склонные къ тихому пребыванію внѣ шума мірскаго, неспособные къ

жизнейской борьбѣ, чуждые жизни семьи, расположенные къ молитвѣ и созерцанію дѣла Божіихъ. Они идутъ въ монашество. Естественно ли ихъ отвращать отъ подвига?

Есть люди, разбитые жизнью, потерпѣвшіе кораблекрушеніе въ житейскомъ плаваніи; имъ жизнь міра не мила, они потеряли въ ней вкусъ и склонность, они чувствуютъ тамъ себя одинокими, у нихъ опустились руки, упало сердце погасло мужество. Они идутъ въ монастырь и тамъ находятъ для себя покой души, и бодрость силъ, воодушевленіе подвига, смыслъ и полноту жизни. Естественно ли соотвѣтствуетъ ли требованію любви закрывать имъ путь къ такому подвигу?

Есть люди, всецѣло преданные Богу и Церкви,

высокому религиозному служенію. Они желаютъ до конца и безраздѣльно отдаться служенію Богу, они живутъ только религиозной идеей, они служатъ только Церкви. Естественно ли имъ воспрещать такое цѣлостное и безраздѣльное служеніе? Богоматерь, Іоаннъ Креститель, Іоаннъ Богословъ, апостоль Павелъ — можно ли было ихъ принудить къ браку и семьѣ? Самъ Спаситель, совершеннѣйшій Человѣкъ, все воспріявшій человеческое отъ рожденія и младенчества до голода, страданій и смерти, однако, не имѣлъ семьи, ибо семьей Его былъ весь родъ человѣческій. И это не было нарушеніемъ законовъ естества.

Святитель Григорій Палама
Holy Hierarch Gregory Palamas

И развѣ воины идутъ на битву съ женами? И развѣ мало такихъ обстоятельствъ, жизни, при которыхъ, ради служенія долгу, было бы прямо неестественнымъ связывать себя обязанностями мірскими? Почему же въ религіозномъ служеніи высшему началу надо насильно навязывать иной законъ?

Здѣсь, напротивъ, часто господствуетъ правило: кто можетъ, тотъ долженъ свершить подвигъ; могій вмѣстити да вмѣститъ. И для могущаго вмѣститъ, очевидно, подвигъ является естественнымъ.

Еще возражаютъ противъ подвижничества: подвизники—эгоисты; они заботятся только о своемъ спасеніи, а не о спасеніи другихъ. О, оставь, злостный судія, оставь подвижниковъ служить Богу, какъ и они тебѣ не мѣшаютъ служить бдишнимъ; по крайней мѣрѣ, хоть не мѣшай ты имъ дѣлать то, чего желаетъ ихъ совѣсть, т.е. не суди подвижниковъ... У нихъ, какъ нѣкогда у Христа и апостоловъ, своя семья, свое братство, своя священная дружина; у нихъ тоже забота другъ о другѣ, съ тою разницею, что если въ семьѣ заботятся о своихъ кровныхъ и слѣдуютъ закону естества, то обители принимаютъ, любятъ и упокоиваютъ чужихъ людей, которыхъ до того времени не знали и не видѣли. Это еще болѣе высокая школа любви, чѣмъ семья и кругъ близкихъ родныхъ.

Подвижники, говорятъ, наконецъ, это бесполезные и ненужные люди, если даже не вредные, это — часто тунеядцы, живущіе чужими жертвами... Да, если пользу измѣрять благами матеріальными, то это вѣрно. Но кто цѣнитъ молитву предъ Богомъ за грѣшный міръ, кто цѣнитъ созидательное значеніе добраго примѣра чистоты, воздержанія, терпѣнія, исполненія добровольно воспринятая долга, смиренія и готовности на помощь ближнему, постоянного духовно-молитвеннаго настроенія, — тотъ такого жестокаго и жесткаго слова не произнесетъ.

А что подвижники живутъ чужими жертвами, то вѣдь это, какъ мы много разъ замѣчали, говорятъ исключительно тѣ судьи, которые сами не давали на нихъ ни одной копейки. Тѣ же, что жертвовали и жертвуютъ, обыкновенно молчатъ и не судятъ. Въ такомъ случаѣ, лучше и судьямъ симъ не говорить, лучше умолкнуть.

Такъ падаютъ и современныя обвиненія противъ подвижниковъ, какъ падали подъ ударами слова святителя Григорія Паламы нападки на иноковъ его времени. И мудро судилъ святитель Божій; онъ вѣрно указалъ великую пользу иноче-

ства.

Въ прошлой исторіи Церкви Христовой всегда, во дни гоненій и опасностей вѣры отъ враговъ и еретиковъ, монашество давало безтрепетныхъ и мужественныхъ борцовъ за Церковь. Не связанные ничѣмъ, они свободно могли жертвовать собою въ борьбѣ съ гонителями и, дѣйствительно, нерѣдко жертвовали и жизнью. Что несетъ намъ будущее? Нѣтъ признаковъ, что оно несетъ благо и спокойствіе для Церкви. Напротивъ, много признаковъ того, что Церковь ждутъ тяжкія испытанія, что вѣра православная отъ своихъ родныхъ дѣтей получить удары и поношенія и лишенія правъ, что начнутся на нее гоненія. И опять великую услугу ей окажутъ подвижники, люди, что ей всецѣло отдали и посвятили всѣ свои силы. Они собираютъ, и хранятъ, и запасаютъ теперь силы, который выступятъ на дѣло борьбы за святыхъ вѣры. Войско, конечно, нужно только во время войны; войны же бываютъ рѣдко... Но безумно то Государство, которое не готовитъ войско во дни мира. Такъ и монашество. Но и помимо сказаннаго, изыять подвижничество изъ области вѣры и Церкви, это все равно, что изыять воодушевленіе, огонь ревности и увлеченіе изъ всякаго дѣла. Чѣмъ выше дѣло, тѣмъ больше должно быть въ немъ такого воодушевленія: немыслима безъ этой силы поэзія, мертва наука, невозможны изобрѣтенія, безжизненно слово, завянетъ общественная жизнь, угаснетъ всякая борьба, и отлетитъ всякая побѣда. Отнимите подвижничество отъ религіи, и изъ міра уйдетъ не только одушевляющая эту область сила, нѣтъ, уйдетъ источникъ всякаго другого воодушевленія, въ какой бы области оно ни проявлялось; и сразу станетъ въ мірѣ такъ мертво, холодно и безпріютно! Подвигъ — это цвѣтъ, это весна религіозной жизни, а безъ цвѣтка нѣтъ и плода.

Только поклоненіемъ и служеніемъ плоти, или сознательною враждою къ Церкви, сознательнымъ желаніемъ нанести ей вредъ, или, наконецъ, злобной завистью къ любви народа, что изливается на монастыри, можно объяснить современный походъ противъ монашества и аскетизма. Плотскимъ людямъ противенъ одинъ видъ монашества, ибо онъ мѣшаетъ имъ заглушить голосъ совѣсти, напоминаетъ имъ, что они блудны и скотоподобны. Они и понять такого подвига не могутъ: плотской человекъ не пріемлетъ того, что отъ Духа Божія, и не можетъ разумѣть; это для него — безуміе (1 Кор. 1, 14). Что качается враговъ Церкви, то имъ ясно, что монашество и любовь къ нему народа — это несокрушимая опора и твердыня ненавистной

имъ Церкви, — это то, чего нѣтъ ни у какой секты, мечтающей замѣнить Православіе и лишенной силы удовлетворить врожденную челоуѣку жажду подвига. Стоитъ ли, наконецъ, даже говорить о завистникахъ? Они обычно твердятъ, что среди монаховъ много дурныхъ людей. Пусть такъ. Но народъ любятъ, и ищеть, и находить не дурныхъ монаховъ, а хорошихъ. Но эти монахи — говорятъ далѣе, лицемѣрятъ и лицемѣриемъ обманываютъ простодушныхъ богомольцевъ. Скажемъ и на это, что когда богомольецъ увидить, что монахъ, котораго онъ считалъ хорошимъ, оказался дурнымъ, онъ поищеть и найдетъ хорошаго.

Что же, спросите вы, — къ чему эта рѣчь о монашествѣ? И неужели всѣмъ намъ итти на этотъ подвигъ?

Рѣчь о монашествѣ — ради памяти его защитника, святаго Григорія Паламы. Рѣчь о монашествѣ — ради чести иноковъ, здѣсь подвижающихся, — и то, что ни они сами объ этомъ говорятъ, а говоритъ священникъ самъ не монахъ, имѣеть тѣмъ большее значеніе. Рѣчь о монашествѣ — ради того, что-бы намъ уважать этотъ великій, святой, нужнѣйшій подвигъ въ Церкви, а съ другой стороны, чтобы уразумѣть, что подвижничество есть самое существо нравственной жизни христіанина. И если монаху предписывается правилами не унижать мірскаго житія и не заирать брака, какъ Богомъ благословеннаго, то, имъ болѣе, намъ нѣтъ основанія и извиненія заирать подвигъ иночекій. Не всѣмъ, конечно, итти на такой подвигъ: «могій вмѣстити, да вмѣститъ». Но всѣмъ обязательно почтеніе къ тѣмъ, которые вмѣстили, и поддержка ихъ любовью, молитвою и сочувствіемъ. Монашество только возглавіе, завершеніе и совмѣщеніе всего христіанскаго подвижничества. Но и всѣмъ христіанамъ обязательны воодушевленіе вѣры, подвигъ поста, умерщвленіе страстей, смиреніе, самоотреченіе, всѣмъ обязательно знать и помнить, что жизнь вовсе не есть веселый пиръ, безпечальное пребываніе, нескончаемая утѣха, нѣтъ, она есть подвигъ труда и искупляющаго страданія.

Безъ подвига нѣтъ жизни, безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ труда нѣтъ плода, безъ иобѣды нѣтъ вѣнца!

Аминь.

*О монашествѣ. Четыре полученія.
Протоіерея Іоанна Восторгова,
Благословеніе Уссурийской Свято-Троицкой
Николаевской обители, 1913 г.,
переиздана Свято-Троицкимъ монастыремъ,
Джорданвилль, Нью-Йоркъ, 1969, стр. 5-21*

Holy Martyr Nicephoros

whose memery is celebrated on February 9th

The Holy Martyr Nicephoros lived in the city of Syrian Antioch. In this city lived also the presbyter Sapricios, with whom Nicephoros was very friendly, such that they were considered like kindred brothers. Through the onset of a disagreement they quarreled, and their former love changed into enmity and hate. After a certain while Nicephoros came to his senses, repented of his sin and more than once through mutual friends asked forgiveness of Sapricios, who did not wish to forgive him. Nicephoros then went himself to his former friend and fervently asked forgiveness, but Sapricios was adamant. At this time the emperors Valerian (253-259) and Gallius (260-268) started up persecutions against christians, and one of the first taken before the judgement court was presbyter Sapricios. He firmly confessed himself a Christian, underwent tortures for his faith and was condemned to death by beheading with a sword. When they took him to execution, Nicephoros tearfully entreated his forgiveness, calling on him as an holy martyr who would soon stand before the Lord and receive of Him a crown.

But presbyter Sapricios remained hardened of heart and even before death he refused to forgive his brother-christian. Because of this the Lord withheld His blessing from Sapricios, having formerly strengthened him during the time of enduring torture; but now, having nearly reached the blessed end of his ordeal, he suddenly became afraid of death and consented to offer sacrifice to idols. In vain did Saint Nicephoros tearfully urge on Sapricios, that he not destroy himself by apostasy, since already he was standing at the threshold of the Heavenly Kingdom. Saint Nicephoros then said to the executioner: "I am a Christian and I believe in our Lord Jesus Christ, from whom Sapricios hath recanted. Execute me in place of Sapricios". The executioners reported about this to the governor. He issued an edict: to free Sapricios, and in place of him to behead Nicephoros with a sword. Thus did Saint Nicephoros receive his martyr's crown.

ON THE MYSTERY OF REPENTANCE

True repentance will bring sanctification

Elder Porphyrios

Come to me all you who labour and are heavy laden

There is nothing higher than what is called repentance and confession. This sacrament is the offering of God's love to mankind. In this perfect way a person is freed of evil. We go and confess and we sense our re-conciliation with God; joy enters us and guilt departs. In the Orthodox Church there is no impasse. There is no impasse because of the existence of the confessor who has the gift of grace to forgive. To be a confessor is a great thing.

I had the habit from the time I was a boy — and it's a habit I still have — that whenever I sinned I went and confessed and everything went away. I would jump for joy. I am sinful and weak. I resort to God's compassion and I am saved, I become calm and I forget everything. Every day I think that I sin, but I desire that whatever happens to me I turn it into prayer and I don't keep it locked within me.

Sin makes a person very confused psychologically. The confusion doesn't dissipate whatever you do. Only with the light of Christ does the confusion depart. Christ makes the first move, Come to me all you who labour and are heavy laden,... Thereafter we accept this light in our good will, which we express with our love towards Him, with our prayer and with the sacraments.

For the soul to repent it must first awake. It is in this awakening that the miracle of repentance occurs. This is where human will plays its role. The awakening, however, is not something that rests only with the individual man or woman. The individual on his own is unable to bring it about. God intervenes. Then divine grace comes. Without grace a person cannot repent. The love of God does everything. He may use something — an illness, or something else, it depends — in order to bring a person to repentance. Accordingly repentance is achieved through divine grace. We simply make a move towards God and from then onwards grace supervenes.

You may say to me, 'If that is so, all things are done by grace.' This is a fine point. Here, too, we have a case of what I say, namely, that we cannot love God if God does not love us. Saint Paul puts it very well: Now having known God, or rather having been known by God... The same happens with repentance. We cannot repent unless the Lord gives us repentance. And this holds for everything. It is a case of the scriptural principle, Without me you can do nothing. If there are not the pre-conditions for Christ to enter into us, repentance does not come. The preconditions are humility, love, prayer, prostrations and labour for Christ. If the sentiment is not pure, if there is no simplicity and if the soul is moved by self-interest, then divine grace does not come. In that case we go and confess, but we don't feel relief.

Repentance is a very delicate matter. True repentance will bring sanctification. Repentance will sanctify us.

*When a person makes confession,
grace frees him from his psychological wounds*

Man is not solely responsible for his transgressions. The mistakes, sins and passions are not only personal experiences of the person who comes to confession. Every person has incorporated into himself the experiences of his parents and especially of his mother, that is, how his mother lived when she was carrying him in her womb — if she was anxious, if her nervous system was exhausted, if she was happy, if she was sad, if she was depressed. In other words, her whole nervous system affected the nervous system of the embryo. So that when the child is born and grows up, it assumes also the experiences of its mother, that is, of another person. A state is created in a person's soul on account of his parents, which he carries with him all through his life. It leaves its marks within him and many things that happen to him during his life are a consequence of this state. The way he behaves has a direct relation to the state of his parents. He grows up, is educated, but is not remedied. This is where a large part of the responsibility for the spiritual state of a person is to be found.

There is, however, a secret. There is a way for a person to be freed from this evil. This way is a general confession, which takes place through the grace of God. Your spiritual father might say to you, 'How much I wish that we could be in a quiet place and that I could be free of all other duties so that you could tell me about your life from the beginning, from the time you first had consciousness of your self, about all the events you remember and how you reacted to them, not only the unpleasant memories, but also the pleasant ones, not only your sins, but also the good things, your successes and failures. Everything. Everything that goes to make up your life.'

I have often used this general confession and I have seen miracles worked through it. The moment you relate these things to your confessor, divine grace comes and frees you from all the unpleasant experiences and wounds, the psychological traumas and feelings of guilt, because while you are talking, your spiritual father is praying fervently to the Lord for you to be liberated from all these things.

Some time ago a woman came to me and made a confession of this kind and she was greatly benefited. Her psychological state improved, because something had been tormenting her. Now this woman sent a friend of hers to me and we went out and sat on the rock outside the monastery at Kallisia and she started to talk. I said to her, 'Tell me whatever you feel you need to. If I ask you about something, then tell me. If I don't ask you, then continue talking, just as you feel you need to.'

I listened to all that she was telling me, not simply with attention, but I observed the effect of prayer on her psychological world. I looked inside her soul and I saw that grace was entering her, just as I saw her before me. Because in the confessor there is grace and in the priest there is grace. Do you understand what I

am saying? When someone is making confession, the priest is praying for him. At the same time grace comes and frees him from the traumas in his soul, which have been tormenting him for years without his being aware of what caused them. Yes indeed, I believe very strongly in all this!

You can speak to your confessor just as you feel, but that's not as important as it is that, as he prays, the priest looks into your soul and sees how you are and transmits to you the grace of God. It has been proved that this looking into the soul is a spiritual radiation, which relieves you and cures you. Don't imagine that these are natural rays. These things are true. And what happened with Christ? He took hold of the hand of the woman with an issue of blood and said, I felt power leaving me, You'll say, 'Yes, but He Lui was God.' Christ, of course, was God, but did not the Apostles do the same?

All spiritual fathers and confessors have this grace and when they pray they transmit it as conductors. For example, if we want to switch on an electric heater in this room then we need to take the cable and plug it in, otherwise it won't work. As soon as the cable is plugged in, however, the current passes through the cable. These are spiritual matters of our religion. We may speak about cables, but in reality this is 'divine psychoanalysis'.

God forgives everything with confession

Don't let's turn back to sins we have confessed. The recollection of sins is harmful. Have we asked for forgiveness? Then the matter is closed. God forgives everything with confession. We mustn't turn back and enmesh ourselves in despair. We need to be humble servants before God and have a sense of gratitude for the forgiveness of our sins.

It is not healthy to be excessively downcast on account of your sins and to turn with such revulsion against your evil self that you end up in despair. Despondency is the worst thing. It is a snare set by Satan to make a person lose his appetite for spiritual things and to bring him into a state of despair, inactivity and negligence. In this state a person is unable to do anything and rendered useless. The person says, 'I am sinful and wretched, I am this, I am that, I didn't do this, I didn't do that... I should have done that then, now it's too late, nothing can be done... I've wasted my life, I am unworthy...' He is brought into a sense of inferiority and consumed by fruitless self-reproach. Do you know what a destructive thing that is? It is pseudo-humility.

All these things are symptoms of a person in despair whom Satan has brought under his sway. Such a person reaches the point where he doesn't even want to receive Communion because he regards himself as unworthy of everything. He attempts to negate everything about himself and is rendered useless. This is a snare set by Satan so that a person will lose his hope in God's love. All this is quite terrible and contrary to the Spirit of God.

I, too, think that I am sinful and that I am not living as I should. Nevertheless, I make whatever distresses me into prayer. I do not shut it up inside myself. I go to my spiritual father and confess it and it is finished and done with. Don't let's go back and recriminate and say what we didn't do. What is important is what we will do now, from this moment onwards — as Saint Paul says, forgetting the things that are behind and stretching forward to

the things that are before us.

The spirit of cowardice attempted to sever Saint Paul's zeal for Christ, but he took courage and said, It is no longer I who live; Christ lives in me. And also, Who shall separate us from the love of Christ? Shall tribulation or distress, or persecution, or famine, or nakedness, or peril or sword? As it is written, for Your sake we are killed all the day long; we are accounted as sheep for the slaughter. And David the prophet and king said, I shall not die, but live, and declare the works of the Lord. Read the Scriptures. Remember the fine words, I love those who love me, and those who seek me shall find grace.

In Christ is found all that is beautiful and all that is healthy

If we love Christ, all is easy. I have not yet succeeded in this, but now I am trying to love Him. In Christ there is everything — all that is beautiful and all that is healthy. The healthy soul experiences the gifts of the Holy Spirit which are love, joy, peace, long-suffering, gentleness, goodness, faith, meekness, continence. The man of God experiences also the things mentioned by Saint Paul in his hymn to love: Love is long-suffering and is kind... it does not think any evil... it covers and protects all things and believes all things...love never fails.

Do you possess these things? Then you possess happiness, Christ, Paradise. And even the body functions smoothly, without irregularities. The grace of God changes a person; it transfigures him in soul and in body. All illnesses then disappear — no colitis, no thyroid or stomach problems, or anything. Everything functions normally. It is good to walk, work and go about your business enjoying good health. But first of all you should have health of soul. The foundation is health of soul; health of body follows. Almost all illnesses come from lack of faith in God and this creates the anxiety. The abolition of the religious sentiment creates anxiety. If you don't have love for Christ and if you don't occupy yourself with holy matters, you will certainly be filled with melancholy and evil. What happens in the world, however? Listen and I'll give you an example.

A girl went to a doctor and he prescribed hormones for her. I said to her:

'Don't take them, my child! I'm not a doctor, and I don't want you to act on my say-so, but I know that you shouldn't take them. At least go to see an endocrinologist first. The problem is more a matter for an endocrinologist. It's because of your worries.'

'It's true,' she said, 'I've had a lot of worries. I

'Well then, that's what it is. Calm down, be at peace, make confession and receive Communion and all will be well.'

Well, she went to an endocrinologist and explained her problem. The doctor told her:

'On no account should you take this medicine. Throw it away. It will do you a great deal of harm.'

She telephoned me afterwards and said:

'The doctor told me exactly the same thing as you did.'

You see then what happens in the world? Whereas with confession and Holy Communion many people have been cured.

When someone is empty of Christ then a thousand and one other things come to fill his soul: jealousies, hatreds, boredom, melancholy, negativity, a worldly frame of mind and worldly pleasures. Try to fill your soul with Christ so as not to have it empty. Your soul is like a cistern full of water. If you channel the water to the flowers, that is, to the virtues, you will experience true joy and all the thorns of evil will wither away. But if you channel the water to the weeds, these will grow and choke you and all the flowers will wither.

Raise everything up to Christ. That's how you will experience joy with the grace of God. I can do all things through Christ who strengthens me... Don't say that you will achieve something. Never imagine such a thing.

The Lord said, Without me you can do nothing. There is no other way. Never should a person trust in his own powers, but rather in the mercy and compassion of God. He will make a little effort, but Christ will crown that effort. It is a delusion to believe that you achieved something on your own. The more someone progresses and approaches towards Christ, the more he feels that he is imperfect. The Pharisee, on the contrary, who says, 'Look at me! I am good, I do this and I do that...', is deluded.

Prayer and worship gradually transform depression and turn it into joy

Nowadays people often feel sadness, despair, lethargy, laziness, apathy and all things Satanic. They are downcast, discontent and melancholy. They disregard their families, spend vast sums on psychoanalysts and take anti-depressants. People explain this as 'insecurity'. Our religion believes that these states derive from satanic temptation.

Pain is a psychological power which God implanted in us with a view to doing us good and leading us to love, joy and prayer. Instead of this, the devil succeeds in taking this power from the battery of our soul and using it for evil. He transforms it into depression and brings the soul into a state of lethargy and apathy. He torments us, takes us captive and makes us psychologically ill.

There is a secret. Turn the satanic energy into good energy. This is difficult and requires some preparation. The requisite preparation is humility. With humility you attract the grace of God. You surrender yourself to the love of God, to worship and to prayer. But even if you do all in the world, you achieve nothing if you haven't acquired humility. All the evil feelings, insecurity, despair and disenchantment, which come to take control of the soul, disappear with humility. The person who lacks humility, the egoist, doesn't want you to get in the way of his desires, to make any criticism of him or tell him what to do. He gets upset, irritated and reacts violently and is overcome by depression.

This state is cured by grace. The soul must turn to God's love. The cure will come when we start to love God passionately. Many of our saints transformed depression into joy with their love for Christ. That is, they took this power of the soul which the devil wished to crush and gave it to God and they transformed it into joy and exultation. Prayer and worship gradually transform depression

and turn it into joy, because the grace of God takes effect. Here you need to have the strength to attract the grace of God which will help you to be united with Him. Art is required. When you give yourself to God and become one with Him, you will forget the evil spirit which drags at you from behind, and this spirit, when it is disdained, will leave. And the more you devote yourself to the Spirit of God, the less you will look behind to see the spirit that is dragging at you. When grace attracts you, you will be united with God. And when you unite yourself to God and abandon yourself to Him, everything else disappears and is forgotten and you are saved. The great art, the great secret, in order to rid yourself of depression and all that is negative is to give yourself over to the love of God.

Something which can help a person who is depressed is work, interest in life, The garden, plants, flowers, trees, the countryside, a walk in the open air — all these things tear a person away from a state of inactivity and awake other interests. They act like a medicine. To occupy oneself with the arts, with music and so on, is very beneficial. The thing that I place top of the list, however, is interest in the Church, in reading Holy Scripture and attending services. As you study the words of God you are cured without being aware of it.

Let me tell you about a girl who came to me. She was suffering from dreadful depression. Drugs had had no effect. She had given up everything — her work, her home, her interests. I told her about what I knew. I told her about the love of Christ which takes the soul captive because the grace of God fills the soul and changes it. I explained to her that the force which takes over the soul and transforms the power of the soul into depression is demonic. It throws the soul to the ground, torments it and renders it useless. I advised her to devote herself to things like music which she had formerly enjoyed. I emphasized, however, most of all her need to turn to Christ with love. I told her, moreover, that in our Church a cure is to be found through love for God and prayer, provided this is done with all her heart.

This is the secret of the remedy. That is what our Church believes.

*“Wounded by Love,
The Life and the Wisdom of Elder Porphyrios,”
Denise Havery (Publisher), Limni, Evia, Greece, 2005,
pages 173-179.*

The Fifth Sunday of Great Lent: The Sunday of Saint Mary of Egypt

Introduction

On the Fifth Sunday of Lent the Orthodox Church commemorates our Righteous Mother Mary of Egypt. The feast day of Saint Mary of Egypt is April 1, however, she is also commemorated on this Sunday due to her recognition by the Church as a model of repentance.

Life of the Saint

Our holy mother Mary was born in Egypt. She had left her parents at the age of twelve to go to Alexandria, where she spent the next seventeen years in debauchery and the greatest profligacy. Living on charity and linen-weaving, she nevertheless offered her body to any man, not being forced to it by dire necessity as were so many poor women, but as though she were consumed by the fire of a desire that nothing was able to appease.

One day, seeing a crowd of Lybians and Egyptians moving towards the port, she followed them and set sail with them for Jerusalem, offering her body to pay her fare. When they arrived in the Holy City, she followed the crowd that was thronging towards the Church of the Resurrection, it being the day of the Exaltation of the Cross. But, when she reached the threshold of the church, an invisible force prevented her entering in spite of repeated efforts on her part, although the other pilgrims were able to go in without hindrance. Left alone in a corner of the narthex, she began to realize that it was the impurity of her life that was preventing her approaching the holy Wood. She burst into tears and smote her breast and, seeing an icon of the Mother of God, made this prayer to her: "O Sovereign Lady, who didst bear God in the flesh, I know that I should not dare to look upon thine icon, thou who are pure in soul and body, because, debauched as I am, I must fill thee with disgust. But, as the God born of thee became man in order to call sinners to repentance, come to my aid! Allow me to go into the church and prostrate before His Cross. And, as soon as I have seen the Cross, I promise that I will renounce the world and all pleasures, and follow the path of salvation that thou wilt show me."

She felt herself suddenly freed from the power that had held her and was able to enter the church. There she fervently venerated the Holy Cross and then, returning to the icon of the Mother of God, declared herself ready to follow the path that the Virgin would show her. A voice replied to her from on high: "If you cross the Jordan, you will find rest."

Leaving the church, she bought three loaves with the alms a pilgrim had given her, discovered which road led to the Jordan and arrived one evening at the Church of Saint John the Baptist. After having washed in the river, she received Communion in the Holy Mysteries, ate half of one of the loaves and went to sleep on the riverbank. The next morning, she crossed the river and lived from that time on in the desert, remaining there for forty-seven years without ever encountering either another human being or any animal.

During the first seventeen years, her clothes soon having fallen into rags, burning with heat by day and shivering with cold by night, she fed on herbs and wild roots. But more than the physical trials, she had to face violent assaults from the passions and the memory of her sins and, throwing herself on the ground, she implored the Mother of God to come to her aid. Protected by God, who desires nothing but that the sinner should turn to Him and live, she uprooted all the passions from her heart by means of this extraordinary asceticism, and was able to turn the fire of carnal desire into a flame of divine love that made it possible for her to endure the implacable desert with joy, as though she were not in the flesh.

After all these years, a holy elder called Zosimas (April 4), who, following the tradition instituted by Saint Euthymios, had gone into the desert across the Jordan for the period of the Great Fast, saw one day a human form with a body blackened by the sun and with hair white as bleached linen to its shoulders. He ran after this apparition that fled before him, begging it to give him its blessing and some saving words. When he came within ear-shot, Mary, calling by name him whom she had never seen, revealed to him that she was a woman and asked him to throw her his cloak that she might cover her nakedness.

At the urging of the monk, who was transported at having at last met a God-bearing being who had attained the perfection of monastic life, the Saint recounted to him with tears the story of her life and conversion. Then, having finished her account, she begged him to come the following year to the bank of the Jordan with Holy Communion.

When the day arrived, Zosimas saw Mary appearing on the further bank of the river. She made the sign of the Cross and crossed the Jordan, walking on the water. Having received Holy Communion weeping, she said: "Lord, now lettest Thou Thy servant depart in peace according to Thy word; for mine eyes have seen Thy salvation" (Luke 2:29). She then took leave of Zosimas, asking him to meet her the following year in the place where they had first met.

When the year was past, Zosimas, going to the agreed spot, found the Saint's body stretched on the ground, her arms crossed and her face turned towards the East. His tearful emotion prevented him from noticing at once

an inscription traced on the ground by the Saint, which read: "Abba Zosimas, bury here the body of the humble Mary; give what is of dust to dust, after having prayed for me. I died on the first day of April, the very night of the Passion of our Lord and Savior Jesus Christ, after having partaken in the Holy Eucharist." Consoled in his grief by having learned the Saint's name, Zosimas was amazed to discover that she had, in several hours, covered a distance of more than twenty days' march.

After having vainly tried to break up the earth with a stick, he suddenly saw a lion approaching Mary's body and licking her feet. On the orders of the Elder, the beast dug a hole with its claws, in which Zosimas devoutly placed the Saint's body.

On his return to the monastery, he recounted the marvels that God had wrought for those who turn away from sin and move towards

Saint Zosimas & Saint Mary

Him with all their hearts. From the hardened sinner that she had been, Mary has, for a great many souls crushed under the burden of sin, become a source of hope and a model of conversion. This is why the Holy Fathers have placed the celebration of her memory at the end of the Great Fast as an encouragement for all who have neglected their salvation, proclaiming that repentance can bring them back to God even at the eleventh hour.

Orthodox Commemoration of the Feast of Saint Mary of Egypt

The feast day of Saint Mary of Egypt is April 1, the day of her repose, however the Orthodox Church also commemorates the Saint on the Fifth Sunday of Lent. As a Sunday of Great Lent, the commemoration is celebrated with the Divine Liturgy of Saint Basil the Great, which is preceded by a Matins (Orthros) service. A Great Vespers is conducted on Saturday evening.

Scripture readings for the Fifth Sunday of Lent are the following: At the Orthros (Matins): The prescribed weekly Gospel reading. At the Divine Liturgy: Hebrews 9:11-14; Mark 10:32-45.

Saint Mary of Egypt is also commemorated on the Thursday before the Fifth Sunday of Lent, when her life is read during the Great Canon of Saint Andrew of Crete. A canon in her honor is read at the end of each Ode. In parish churches the service and the canon is most often conducted on Wednesday evening.

Hymns of the Feast

Apolytikion: Plagal of the Fourth Tone

In you the image was preserved with exactness, O Mother; for taking up your cross, you did follow Christ, and by your deeds you did teach us to overlook the flesh, for it passes away, but to attend to the soul since it is immortal. Wherefore, O righteous Mary, your spirit rejoices with the Angels. Listen »

Kontakion: Second Tone

By the toils of your struggles, O God-inspired one, you did hallow the harshness of the desert. Wherefore, we glorify your memory, as we honor you with hymns, O Mary, glory of the righteous.

Sunday of Saint Mary of Egypt; Great Vespers. Tone 4

The power of Thy Cross, O Christ, O hath done wonders; for she who had been a harlot strove in the ascetic way. Whereupon, she cast away the weakness of nature and bravely contended against Satan. Then, having achieved the prize of victory, she doth intercede for our souls.

http://lent.goarch.org/saint_mary_of_egypt/learn/

Great Lent: A Matter of Life and Death

by Fr. Elias Bitar

Little Falls, New Jersey

Many things, throughout the history of the Church, have been said about this most holy period of the Orthodox Christian year.

We live in an age of great and continuous achievements in all aspects of our wonderful world. We are, everyday, trying to discover new dimensions to things in life.

Lent — the forty-day journey toward the Resurrection of our Lord, has suffered much because of lack of attention. There is no doubt that we know a great deal about Lent, we have enough information to satisfy our inquisitive mind, but our spirit cries out for meaningful application of our faith. How can we do this?

First, by being full of God and empty of ourselves.

In doing this, we learn to trust God more than we do our own reasoning. As our Lord said to His Disciples that this kind (meaning the evil Spirit) comes out only by prayer and fasting, He meant PRAYER AND FASTING, and NOT what we want Him to mean. Lent is a period of prayer and fasting. It is a time especially set aside for us to draw closer to God.

Before we enter the Lenten period, we are reminded of the desire to come closer to Christ (Zacchaeus), because unless we want to move toward God we will always stay away from Him. Then we are asked to be humble like the Publican (“God have mercy on me a sinner”) and not “Thank God I am better than everyone else.” God abides only in the humble heart. The Prodigal Son urges us to acknowledge our sinfulness and return to God the Father. All these preparation guidelines help give us the proper attitude towards Lent. These are tools with which to enter the Lenten period.

When we enter Lent after Meat and Cheese weeks, we are

reminded that our Lord is surely coming again to judge the world. By this we are made aware that repentance is now or never. We should not wait like the thief did (just before he died). You can do the same if you knew when you will be called by God. On Cheese Sunday, we are reminded of Adam and Eve being thrown from Paradise because of their disobedience and how we are being saved by the obedience of the second Adam (Jesus) and forgiven. It is also called “Forgiveness Sunday”.

While on our journey toward Pasch-Passover from death into life, the feast of the Resurrection of our Lord, we are called to strengthen our Spirit through praying more on a personal level and participating more often on a church level in the Services of the church during Lent. Sometimes, with the help of your parish family, you can achieve more spiritually than on your own. We need food to sustain our bodies, but can we let the spirit starve to death? Prayer and fasting is the food of the spirit in addition to the nourishment we receive from the Body and Blood of our Lord on Sundays. If we are what we eat, then we become Christ-like when we take communion and communicate with Him through prayer and fasting. Christ fasted for forty days before he was tempted by the devil. Are we ever tempted? Oh, yes. Should we fast? Christ did not give suggestions but commands. He knows what is best for us.

Frequent confession is a step closer to understanding our own weakness and the power of God’s forgiveness. “I don’t sin much” says the proud, but the Christian asks forgiveness with humility.

The Church has the Pre-sanctified Liturgy on Wednesdays and the Akathist service on Fridays to give us the chance to further

involve ourselves in the spirit of Lent (repentance and growth).

Yes, it is a matter of life or death, because our salvation is involved. Fast, but do it not to gain praise from people, but because it helps you grow closer to God. Fast not only from foods, but, clean your heart from ill feelings toward others. Pray and forgive. Fasting by itself is useless. We normally take health insurance to help our families when we die, but what about after-life insurance, our salvation? Our faith and the practicing of it, especially during Lent, is the way to Christ and life eternal.

*From Word Magazine
Publication of the Antiochian Orthodox Christian Archdiocese of North
America
March 1987*

http://www.orthodoxresearchinstitute.org/articles/fasts_feasts/bitar_great_lent.htm

“Parish Bulletin”

**Holy Ascension Russian Orthodox Church,
Diocese of San Francisco and Western America,
Russian Orthodox Church Abroad.**

Address: 714 — 13th Street, Sacramento, CA 95814. Telephone: (916) 443-2271. FAX (916) 443-5079
Sisterhood: (916) 446-7473.

Website: <http://www.holyascensionchurch.com>

Rector: Rev. Paul Volmensky, home (916) 443-2271 Choir conductor: Elizabeth Volmensky (916) 284-6250
mobile (916) 730-2680 Head Sister: Veronica Klimoff (916) 362-8567
Church Warden: Leonty Naumov (916) 308-1918 Cemetery Treasurer:

**The Holy Ascension Russian Orthodox Church
714 -- 13th Street
Sacramento, CA 95814**